

Е.Н. Басовская

Высокий негативизм как оценочное средство современного медиатекста

В статье рассматривается функционирование лексемы высокого стиля *злодей* в текстах изданий «Завтра», «Новая газета» и «Российская газета» 2017 г. Выявляется специфика использования слова публицистами и ее обусловленность идеологическими установками редакции. Автор подчеркивает экспрессивный потенциал высоких негативизмов, выступающих как средства прямой и косвенной отрицательной, а также иронической социальной оценки. Даются рекомендации, касающиеся отражения анализируемого слова в толковых словарях русского языка.

Ключевые слова: медиатекст, социальная оценочность, высокий стиль, негативизм, прагмема, патетика, ирония, газета «Завтра», «Новая газета», «Российская газета».

К числу постулатов современной медиалингвистики относится сформулированное Г.Я. Солгаником положение о социальной оценочности как одной из главных особенностей и движущих сил эволюции языка публицистики¹. В социальной оценке, отраженной в журналистском тексте, сливаются воедино два начала – коллективно-идеологическое (точка зрения власти, оппозиции, конкретной политической партии, иного общественного объединения) и индивидуально-психологическое (точка зрения публициста – конкретного человека со своей системой ценностей, принципами и вкусами). По справедливому замечанию Т.Г. Ашурковой, «система оценок... прежде всего находит свое выражение в публицистическом стиле, ибо именно здесь отправитель и получатель информации предстают как члены социума. Оценка, выраженная в языке газеты, позволяет проследить, какая система

ценностей является оптимальной в определенный период времени»². С поправкой на отсутствие единой идеологии в постсоветском обществе сегодня правильнее, наверное, говорить о нескольких преобладающих системах ценностей, находящих воплощение в дискурсе официальных проправительственных, оппозиционных и иных средств массовой информации.

Изучение такого сложного, многоуровневого явления, как социальная оценочность медиатекста, требует специального инструментария и понятийного аппарата. Сегодня рано говорить о том, что и то и другое существует, – скорее идет разработка подходов к исследованию социальной оценочности и приспособление к этой задаче развитых методов традиционной лингвистики и, в частности, стилистики текста.

В данной статье предлагается один из ракурсов рассмотрения социальной оценочности публицистического текста – анализируется использование слов негативной семантики, имеющих высокую стилистическую окраску, в качестве маркеров авторского отношения к предмету речи. Оригинальность этой методики определяется тем, что, хотя исследователи и признают способность высокого слова выражать отрицательную оценку³, этот лексический пласт чаще всего рассматривается как важный стилистический ресурс для передачи оценки положительной. На это указывает, в частности, В.Я. Голуб: «Существо высокой лексики обычно связывают с эмоциональной оценкой (иногда – только положительной, чаще – положительной и отрицательной...)»⁴.

Следует подчеркнуть, что восприятие высокого слога прежде всего как идеальной формы для восхваления объекта речи имеет глубокие исторические корни. Так, в «Риторике» Н.Ф. Кошанского, созданной в первой половине XIX в., отмечалось: «Предметом возвышенного слога бывают высокие деяния, мысли и чувства: похвала герою, движение страстей, убеждение, преклонение на свою сторону, выражение восторга, удивления, любви к монарху, к Отечеству, ко благу людей и пр.»⁵

Однако лексикографический анализ позволяет обнаружить в современном русском языке как минимум десятки слов, имеющих высокую стилистическую окраску и предназначенных при этом для номинации предметов и явлений, оцениваемых негативно. Таковы, например, включенные в словарь С.И. Ожегова (под редакцией Н.Ю. Шведовой) лексемы разных частей речи: *братоубийство, гонитель, осквернитель, проклятие, ярмо; бесславный, вопиющий, губительный, кровавый, постыдный; свергнуть, обречь, попать, тяготеть* и другие (более 70 единиц)⁶.

Для настоящего исследование выбрано одно из слов данного перечня – существительное «с общей отрицательной оценкой»⁷ – *злодей*. Прямое значение этого слова так толкуется словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Человек, к<ото>рый совершает злодеяния или способен на них, преступник»⁸. Практически то же определение приведено в БАС: «Тот, кто совершает злодеяние, кто способен на него»⁹. *Злодеяние*, в свою очередь, интерпретируется как «тяжкое преступление»¹⁰, а *преступление* – как «общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности»¹¹. В данном случае толковый словарь ориентируется скорее на правовую терминологию, нежели на наивную картину мира, которую призван отражать.

Тексты средств массовой информации показывают, что в современной неюридической речи *злодей* осмысливается скорее как «очень плохой человек, совершающий поступки, недопустимые с нравственной точки зрения», чем как некто, не соблюдающий нормы уголовного права. Думается, *злодей*-преступник дрейфует сегодня в направлении профессионального жаргона работников правоохранительной системы¹². В общелитературной речи существительное функционирует как слово, у которого оценочное значение «составляет... основное лексическое содержание»¹³ и может претендовать на статус прагмемы, в которой, по замечанию М.В. Петрушиной, «жестко склеены, связаны денотативное и сигнификативное значения, выступающие по отношению друг к другу как предмет и признак, создающие аналог оценочного суждения»¹⁴. Такие слова-суждения не могут не быть востребованы медиадискурсом, буквально пронизанным индивидуально-авторской и социальной оценочностью.

Для сравнительного анализа были выбраны материалы трех печатных изданий – «Российской газеты», «Новой газеты» и газеты «Завтра», опубликованные с января по июнь 2017 г. Сопоставимость источников обеспечивается тем, что это качественные общероссийские газеты с преобладанием социально-политической тематики. При этом редакционная политика существенно различается. «Российская газета», будучи официальным органом правительства РФ, в целом придерживается нейтралитета, но проводит тем не менее четкую прогосударственную линию. Два других издания открыто оппозиционны: «Новая газета» отражает либерально-прозападную точку зрения, «Завтра» – имперско-националистическую. Гипотеза исследования заключается в том, что употребление слова *злодей* авторами трех перечисленных изданий различается, а его специфика соответствует социальной оценочности, являющейся частью поддерживаемой каждой из редакций идеологии.

В процессе исследования методом сплошной выборки анализировались все материалы, опубликованные на сайтах изучаемых изданий в течение полугода. Количество вхождений существительного *злодей* в тексты источников существенно различается:

«Российская газета» – 32;

«Новая газета» – 14;

«Завтра» – 36.

При этом необходимо учесть, что «Российская газета» – ежедневное, «Новая газета» и «Завтра» – еженедельные издания. Следовательно, при совпадении абсолютных показателей «Российской газеты» и «Завтра» частотность использования слова во втором случае значительно выше.

В таблице представлены характерные для каждого из рассматриваемых изданий микроконтексты:

Согласованные и несогласованные определения	
«Российская газета»	<i>белый, богатый, главный, какой-то, местный, омерзительный, роботизированный, ужасный, этот; из произведения..., из фильмов..., примитивного типа, с именем...</i>
«Новая газета»	<i>безжалостный, главный, злодейский, циничный, этот; из местного отделения ИГ</i>
«Завтра»	<i>величайший, венецносый, главный, какой, inferнальный, неведомый, некий, новый, нонешний, одетый в дорогой костюм, опереточный, самовластный, такой; на троне</i>

Приложения	
«Российская газета»	<i>эсесовец, Магнуссен, Модок (комиксы Marvel), Мэтьюс (сатирическое стихотворение сценариста Марка Гейтисса)</i>
«Новая газета»	<i>Асад, кукловод Кудзе (аниме «Призрак в доспехах»)</i>
«Завтра»	<i>атаманище, дитя, революционер, Ленин, Свердлов, Троцкий</i>

Однородные члены с бессоюзием, соединительными и разделительными союзами	
«Российская газета»	<i>гении и злодеи; злодей и маньяк; то гений управления, то злодей</i>

«Новая газета»	<i>герои и злодеи; демоны, злодеи; злодей, вертопрах, врун; злодей, «животное», «мясник»</i>
«Завтра»	<i>герой и злодей; душегубцы и злодеи; злодеи и враги России; «злодей», «деспот», «тиран», «антихрист»; «злодей», «сатанист»; «мумия», «псина», «злодей», «чудовище»; не варвары, не злодеи; террорист, убийца, злодей</i>

Противопоставление (второй компонент антитезы)	
«Российская газета»	<i>гений, герой</i>
«Новая газета»	<i>герой</i>
«Завтра»	<i>гений, герой, жертва, истинный Бог, праведник</i>

Общим для всех изучаемых изданий оказывается употребление слова *злодей* в не зафиксированном толковыми словарями значении «центральный отрицательный персонаж художественного произведения, противостоящий герою». Оно характерно для дискурса кинематографической (в меньшей степени – литературной и театральной) критики, что подтверждается большим числом подобных вхождений (21) в тексты «Российской газеты». Именно этот персонаж регулярно обозначается авторами материалов всех трех изданий как *главный злодей* – можно говорить даже о начале процесса фразеологизации данного словосочетания, приобретающего особое значение, не выводимое полностью из значений компонентов.

Антитеза *герой/злодей* чаще всего возникает в публикациях, посвященных голливудскому кинематографу, и соответствует одному из его основных штампов, критически оцениваемых автором текста или его собеседником – интервьюируемым экспертом:

Если вы внимательно смотрите американские сериалы, то можете увидеть, как в каждой серии есть два-три момента, когда действие теряет логику. Например, *Злодей* наставляет на *героя* пистолет со словами: «Тебе конец». И – черное поле. То есть чернота секунд на 6. А потом – снова *Злодей*, повторяющий: «Тебе конец» (Р. Кубаев, кинорежиссер и кинодраматург. РГ. 10.01.2017).

В националистически ориентированной газете «Завтра» возникает даже второй уровень противопоставления: пара *герой-злодей* характеризует упрощенную западную, ее отсутствие – сложную и великую русскую литературу:

...ИДЕАЛИЗМ, законы жанра НЕ допускают, чтобы главных игроков было более, чем два: *ГЕРОЙ* и *ЗЛОДЕЙ*, Бэтмэн и Джокер, хорошие парни против плохих. Русская литература оттого и СТАЛА самой лучшей и глубокой в мире, что преодолела жанровость: где пара *герой-злодей* в Войне и Мире, в Анне Карениной, Вешних Водах? У Диккенса, первого западного романиста, инфернальный *злодей* всё же присутствует, и это невероятно упрощает сюжет. Диккенс – это детектив с социальным пафосом. А Достоевский? Какого уровня литература, когда присутствуют ВСЕ элементы жанра (интрига, расследование, иногда и убийство, и полиция), но НЕТ этой дихотомии (*герой-злодей*)» (З. 1.01.2017).

В подобных ситуациях слово *злодей* используется как *косвенное* средство социальной оценочности.

Многочисленны в текстах сопоставляемых изданий и случаи применения существительного *злодей* для прямой социальной оценки лиц и явлений. В наибольшей степени такая речевая тактика свойственна публицистам газеты «Завтра», в целом не избегающих высокого стиля и сопряженного с ним пафоса, в том числе – гнева и возмущения: «Нет сомнений, что величайший *злодей* решил взойти на мировой трон. А для этого нужно убрать из сознания людей Истинного Бога» (З. 12.05.2017).

Авторы блогов, публикуемых на сайте газеты «Завтра», проклиная *злodeев* – врагов России и русского народа, опираясь на литературную традицию, – цитируются, в частности, М.В. Ломоносов и А.С. Пушкин. Современная геополитическая ситуация оценивается с помощью цитаты из стихотворения И.А. Бунина:

Довольно слёз, что исторгал *злодей*
Под этим стягом «равенства и счастья»!
Довольно «площадных» вождей
И мнимого народовластья! (З. 18.03.2017).

Попадая в микроконтекст, насыщенный лексическими и синтаксическими средствами высокого стиля, существительное *злодей* функционирует как классический высокий негативизм-патетизм, находящийся в одном ряду с такими лексемами, как *недруг* и *палач* (в переносном значении).

Такое использование слова нехарактерно для дискурса «Российской газеты» и «Новой газеты». В первой из них *злодей* встречается в окружении других высоких языковых средств лишь в цитате из стихотворения М. Калинина – автора многочисленных произведений религиозной тематики:

Злодей – ниц, уйти не смея вспять,
На вход в жилище глаз им не поднять... (РГ. 28.02.2017).

Это не означает, однако, что слово не употребляется в текстах «Российской газеты» в прямом значении, без иронических обертонов, характерных для авторского отношения к образу злодея кинематографического. *Злодей* реальный, то есть реально существовавший/существующий и действительно вызывающий ужас и негодование, в материалах газеты присутствует – но чаще всего журналист отражает в таких случаях не собственную, а *чужую точку зрения*. Возможны даже ситуации «двойного отстранения»: в газете приводятся слова эксперта, который, в свою очередь, отталкивается от иной – по отношению к его собственной – точки зрения.

Так, в интервью «Российской газете» ректор РАНХиГС В.А. Мау говорит о социально-исторической оценке государственных деятелей: «Мы же знаем, что один и тот же политический персонаж может быть то гением управления, то *злодеем*, то опять гением. И я вовсе не о Сталине говорю. Эти слова вполне применимы и к Столыпину, и ко многим другим политикам» (РГ. 24.02.2017).

Но если для «Российской газеты» такое применение слова *злодей* – разовый речевой ход, не дополняемый какими-либо приемами, подчеркивающими разницу между взглядами говорящего и того, чью позицию он упоминает, то в «Новой газете» *злодей* как принадлежность чужой и чуждой картины мира встречается многократно. Так, комментируя выражение «доктрина Бжезинского», журналист пишет: «Мы имеем дело с отражением крупной фигуры в мутной воде нашего общественного мнения. Мнения, которое ищет демонов, *злодеев* и озабочено теми, кто хочет нанести вред России» (НГ. 27.05.2017). Образ *злодея* предстает здесь как принадлежность не принимаемой автором текста картины мира.

Закономерно поэтому появление слова *злодей* в материалах, содержащих отсылки к чужому высказыванию и, соответственно, глаголы говорения:

Создатели советского ядерного оружия – академики Юлий Харитон и Андрей Сахаров пришли к Брежневу... Леонид Ильич весело *рассказал*, что его отец считал тех, кто создает новые средства уничтожения людей, главными *злодеями*, и *говорил*: надо бы этих злодеев вывести на большую гору, чтобы все видели, и повесить (НГ. 3.01.2017); Путин делает неправильно, поддерживая «*злодея* Асада», это «плохо для России, для человечества, для всего мира», *отметил* президент США. Сирийского президента Трамп *назвал* «животным» и «мясником» (НГ. 13.04.2017).

Отстранение от иной точки зрения может подкрепляться специальными речевыми средствами, такими, как, например, частица «типа»:

По словам командующего войсками США в Афганистане Джона Николсона, бомбу МОАВ завезли давно, еще при Обаме, и вот нашлась и для нее работа: можно не тратиться на утилизацию, на вывоз в случае отвода войск, на хранение и техническое обслуживание изделия. Почти никто до конца не поверил Николсону, что это было чисто тактическое решение на местном уровне: *типа* для удобства истребления *злодеев* из местного отделения ИГ (15.04.2017).

«Отчуждение» образа злодея как приметы иного сознания в отдельных случаях сопровождается ироническим переосмыслением, поддерживаемым использованием кавычек: «Чаще всего инвестор либо выставляет неприбыльный медицинский бизнес на продажу (и попадает в руки к циничному «*злодею*»)» (20.01.2017).

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась: каждое из рассмотренных изданий обладает своей спецификой в использовании прагмемы *злодей*. Националистически ориентированная газета «Завтра» в большей степени склонна к эксплуатации собственно высоких, негативно оценочных, патетических потенций слова. *Злодей* в ее текстах – прежде всего враг России. Стремящаяся к объективности «Российская газета» в целом воздерживается от использования слова *злодей* для оценки явлений общественно-политической реальности: данное лексическое средство воспринимается, видимо, авторами издания как слишком сильное и однозначное. Тем не менее оно активно применяется в дискурсе кинорецензий, где формируется новое устойчивое словосочетание с ироническим оттенком *главный злодей*. Либеральная «Новая газета» наиболее последовательно применяет существительное *злодей* в качестве маркера чужой, неприемлемой для автора публикации точки зрения. Слово является для публицистов данного издания ярким показателем упрощенной картины мира, в которой участники событий разделены на «хороших своих» и «плохих чужих».

Выполненный анализ свидетельствует о сохраняющейся сегодня активности лексических единиц высокого стиля в оценочном медиадискурсе и заставляет задуматься о необходимости учесть семантическое развитие таких слов при редактировании существующих и составлении новых толковых словарей русского языка. При их составлении именно использование медийных текстовых материалов способно обеспечить объективное отражение в лингвистических справочниках языковой эволюции начала XXI в.

-
- ¹ *Солганик Г.Я.* Публицистический стиль // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 313.
- ² *Ашуркова Т.Г.* Категория оценки в газетной публицистике советского и новейшего времени (на примере слов «новатор», «передовик», «ударник») // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке* / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический проект, 2011. С. 307.
- ³ Об этом см., напр.: *Яльцева А.П.* Лексика высокого стилистического слоя в современном немецком языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. С. 11, 15.
- ⁴ *Голуб В.Я.* Высокая лексика в современном русском литературном языке (по современным словарям и публицистике 60–70-х годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1977. С. 5.
- ⁵ *Кошанский Н.Ф.* Риторика. М.: Издат. дом «Русская панорама», 2013. С. 101.
- ⁶ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «А Темп», 2006.
- ⁷ *Словом можно убить, словом можно спасти: Беседа с М.В. Горбаневским* // *Русская речь*. 2003. № 3. С. 61.
- ⁸ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 230.
- ⁹ *Большой академический словарь русского языка: в 20 т. Т. 6.* М.; СПб.: Наука. 2006. С. 745.
- ¹⁰ *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. С. 230.
- ¹¹ Там же. С. 585.
- ¹² Жаргон юристов не отражен в специальном лингвистическом словаре, но представлен на большом числе сайтов в справочниках, составленных непрофессионалами. Злодей в них толкуется как «лицо, подозреваемое и обвиняемое в совершении практически любого преступления, предусмотренного УК РФ» или подобным образом. См., напр.: <https://blog.pravo.ru/blog/etc/1606.html>; <http://bvf.ru/forum/showthread.php?t=487995&page=56> (дата обращения: 06.02.2018).
- ¹³ *Иванова Г.Ф.* Оценка в ментальной сфере языка (Электронная версия) // *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2007. № 3-II. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-v-mentalnoy-sfere-yazyuka-1> (дата обращения: 11.06.2017).
- ¹⁴ *Петрушина М.В.* Семантико-прагматические функции высказываний с модальным значением неодобрения // *Филологические науки*. 2003. № 5. С. 61. Автор цитируемой статьи опирается на следующее издание: *Энштейн М.Н.* Идеология и язык: Построение модели и осмысление дискурса // *Вопросы языкознания*. 1991. № 6. С. 19–33.